

шению к благотворителям, не совершают поминовения вкладчиков и их родителей. «Кто о семъ истязанъ будетъ въ день страшнаго суда?» снова спрашивает царь. Хотя отдельные пункты этого вопроса близки к обличениям Максима Грека, как, например, указание на выпрашивание монахами имений у представителя верховной власти, на их жизнь по селам, и тяжбы в городе, однако эта близость носит довольно общий характер: такие же обличения принадлежат, как мы знаем, и Вассиану. С другой стороны, 15-й царский вопрос стоит на той же позиции, как и 8-й, т. е. говорит о тяжелом положении монастырской братии, а не крестьян. Затем, обязанности, налагаемые на монахов владением вотчин и сел, с точки зрения вопроса, не идут далее добросовестного поминовения. Важный шестнадцатый вопрос «О церковныхъ и монастырскихъ денгахъ» приведу дословно полностью: «О церковной и монастырской казнѣ, еже въ росты дають, угодно ли се богови, и что писание о семъ глаголетъ: божественное писаніе и миряномъ резоимство возбраняеть, нежели церквамъ божиимъ денги въ росты давати, а хлѣбъ въ наспы; гдѣ то писано во святыхъ правилехъ? о семъ пишеть: церковное богатство — нищихъ богатство и прочимъ на потребу, якоже пишеть». Высказав, что церковное богатство составляет достояние нищих, царь в этом вопросе ближе всего подошел к точке зрения нестяжателей; недаром собор в своем ответе на данный вопрос игнорировал приведенную царем мотивировку, а кроме ссылки на писание и правила, вообще запрещающие «резоимство», выставил указание на экономическую выгоду самих епископов и монастырей: «и того ради отнынѣ, постановил собор, по священнымъ правиломъ святителемъ и всѣмъ монастыремъ денги давати по своимъ селомъ своимъ хрестьяномъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, чтобы за ними хрестіяне жили и села бы ихъ были не пусты». Однако, перечитывая 16-й царский вопрос, трудно найти в нем, кроме общей близости к нестяжателям, каких-либо специальных черт, которые давали бы повод к более определенным сближениям. Любопытно между прочим, что выражение «хлѣбъ въ наспы» не встречается ни у Максима Грека, ни у Вассиана. Итак можно решительно утверждать, что мы не имеем никаких оснований говорить о непосредственном влиянии Максима Грека на составление рассмотренных царских вопросов.

Тут важно общее влияние обличений Максима на современников, которое, судя по всему, было значительно. Максим Грек после Вассиана был самым ярким поборником нестяжательности, голос которого не только не умолкал после суда над ним и в малолетство Грозного, но оставался таким же твердым. Сочинения Максима, обличающие монашество и духо-